

Николай Семенович Лесков. Павлин

Рассказ

Лесков Н.С. Рассказы и повести. - Ф.: Кыргызстан, 1983. - 656 с.
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 14 января 2004 года

Я был участником в небольшом нарушении строгого монастырского обычая на Валааме. На этой суровой скале не любят праздных прогулок: откуда бы ни приплыл сюда далекий посетитель и как бы ни велико было в нем желание познакомиться с островом, он не может доставить себе этого огромного удовольствия, - говорю огромного, потому что остров поистине прекрасен и грандиозные картины его восхитительны. На Валааме за обычай всякий паломник подчиняется послушанию: он должен ходить в церковь, молиться, - трапезовать, потом трудиться и, наконец, отдыхать. На прогулки и обозревания здесь не рассчитано; но, однако, мне, в сообществе трех мужчин и двух дам, удалось обойти в одну ночь весь остров и запечатлеть навсегда в памяти дивную картину, которую представляют при бледном полусвете летней северной ночи дикие скалы, темные урочища и тихие скиты русского Афона. Особенно хороши эти скиты, с их непробудною тишью, и из них особенно поражает скит Предтечи на острове Серничане. Здесь живут пустыnnики, для которых суровость общей валаамской жизни кажется недостаточною: они удаляются в Предтеченский скит, где начальство обители бережет их покой от всякого нашествия мирского человека. Здесь теплят свои лампы люди, умершие миру, но неустанно молящиеся за мир: здесь вечный пост, молчанье и молитва.

Не зная направления валаамских тропинок, мы подошли к проливу, отделяющему островок Серничан от главного острова, и, пленясь густыми папоротниками, которыми заросла здешняя котловина, сели отдохнуть и заговорили о людях, избравших это глухое уединение местом для своей молитвенной и созерцательной жизни.

- Какие это люди, с какими силами и с каким прошлым приходят они сюда, чтоб погребсти себя здесь заживо? - воскликнул один из наших собеседников. - Я никак не могу иначе думать, что это должны быть какие-то титаны и богатыри духа.

- Да; и вы правы, - отвечал другой, - это богатыри, но только богатыри, мощные нищетою. Это зерна, которые уже прозябли и пошли в рост.

- А пока они прозябли?

Собеседник улыбнулся и ответил:

- Пока они прозябли... они лежали при дорогах, глохли под тернием и погибали, как вы, и я, и целый свет, пока ветер схватил их и бросил на добрую почву.

- Вы говорите так, как будто вы знали кого-нибудь из людей, имевших силу погребсти себя заживо в этих дебрях.

- Да, мне кажется, что я действительно знал такого человека.

- Он был умен?

- Да.

- И рассудителен?

- Гм!... да. А впрочем, я о нем судить не берусь, но я его любил и очень уважаю его память.

- А он уже умер?

- Да.

- Здесь?

- Неподалеку, - ответил, снова тихо улыбаясь, собеседник.

- Жизнь такого человека всегда способна возбуждать во мне большой интерес.

- И во мне, и во мне тоже, - подхватили другие.

Дамы интересовались еще более мужчин, и одна из них, красивая блондинка с черными глазами, обратись к этому нашему попутчику, сказала:

- Знаете ли, что вы сделали бы нам чрезвычайно большое одолжение, если бы здесь же, в тиши этой дебри, где мы так неожиданно очутились, рассказали нам историю известного вам отшельника.

Другая дама и все мы присоединились к этой просьбе - и тот, к кому она относилась, согласился ее исполнить и начал: